

Профессор, д-р богословия Германн
Засце

41 Buxton Street
North Adelaide, South Australia

Invocavit (февраль) 1951

Возлюбленные братья по служению!

Снова и снова в разные моменты истории Церкви, несмотря на все расколы, несмотря на конфессиональные разногласия, доходящие до самого сердца нашей веры, становится очевидно, что кое в чем христиане все-таки едины.

Провозглашение догмата о телесном вознесении Марии на небеса в апостольской конституции *Munificentissimus Deus* от 1 ноября 1950 года стало событием для всего христианского мира, как Римского, так и за пределами Рима, — событием, которое влияет на все церкви и на всех христиан. Так и должно быть! Ибо этот догмат либо истинен, либо ложен. Либо это действительно "открытый свыше догмат, что Непорочная Богоматерь, приснодева Мария, по окончании земной жизни, была телом и душой взята в небесную славу", либо это богохульство...

Культ Марии был христианской заменой культам великих богинь, которые играли столь большую роль в жизни дохристианского языческого общества. Это были культы святых дев и божественных матерей, вавилонской богини Иштар, чей культ уже проник в Израиль, сирийской Царицы Небесной, малоазиатской Великой Матери, египетской Изис, о приверженности которой на Западе свидетельствует давняя традиция употребления имени "Исидор" среди иудеев и христиан. Но это, к сожалению, была не просто христианская замена языческой религии, а языческая религия в христианском обличье. Культ Марии — последний из великих культов женских божеств, проделавших путь с Востока в Римскую империю с тех пор, как во время Второй Пунической войны Рим позаимствовал из Малой Азии культ Великой Матери (*Magna Mater*).

Триумфальное распространение почитания Марии в христианском мире, как на Востоке, так и на Западе, объясняется тем, что в нем живет подлинное, глубоко религиозное язычество — ибо любое подлинное язычество глубоко религиозно, — религия душевного человека. Душевный человек религиозен. Ибо религия присуща человеку по природе. Это не означает, что человек находится в правильных отношениях с Богом. Именно потому, что человек — религиозное существо, он является врагом Бога, настоящего Бога. Ибо его религия, по сути, представляет собой попытку узурпировать то, что принадлежит Богу, сотворить Бога, который бы его устраивал. В рамках своей религии душевный человек создает себе Бога в соответствии с собственными желаниями, собственными потребностями, по образу своему. Однако этим идолом является образ женского божества. Женщина как дева, как жена [*Gattin*], как мать становится образом Бога, сотворенного душевным человеком. Мать — это изначальный образ [*Urbild*] милосердия. Именно поэтому в иврите слово *rechem* [רַחֵם], изначально обозначавшее материнское чрево, приобрело значение милосердия, в том числе милосердия Божьего (см., к примеру, Исаия 63:15). И именно поэтому в языческих религиях боги милосердия воспринимаются как матери. Единственным божеством, применительно к которому в древнем грекоговорящем мире употреблялось слово *agape*, в Новом Завете обозначающее любовь Божью, была

Изис. В Священных Писаниях Господу Богу прямо приписывается материнское милосердие: "Как утешает кого-либо мать его, так утешу Я вас..." (Исаия 66:13; ср. 49:15). А там в Библии, где взаимоотношения Бога и Его верных описываются в рамках архетипа любви жениха и невесты или супругов, Бог является мужем, а Его народ, Его Церковь — женой (Осия 2:20; Ефессянам 5:22-27; Откровение 21:2; 22:17).

Однако душевный человек во все времена извращает Божий порядок. Поскольку он не признает Бога как Господа и хотел бы, напротив, подчинить Бога себе, потребность в женском божестве заложена в существе душевного, падшего человека. Можно сказать, что почитание Марии основано на этом факте. С чисто человеческой точки зрения, или если исходить их чисто эстетических соображений, почитание Марии — одна из самых красивых сторон христианской религии. Есть ли более "красивые" гимны, нежели марианские — например, германские средневековые гимны? Есть ли что-нибудь более поэтичное, чем адресованные Марии молитвы римско-католической церкви? А какая глубокая поэтика сокрыта в марианских легендах — в особенности в тех легендах, которые лежат в основе догмата о вознесении Марии! Как прекрасна эта смерть в сравнении с распятием Иисуса или мученической кончиной апостолов! Безутешно скорбящая по своему божественному Сыну, она умерла в присутствии апостолов. Тело ее было погребено, но преобразилось во славу и вознеслось на небеса. Весь ужас смерти побежден, в этой кончине нет ни следа физических мучений и богооставленности крестной смерти. Это смерть в совершеннейшем блаженстве. Нет, это уже более не смерть, также как и эта жизнь уже более не была жизнью грешного человека. Уход Марии — это завершение идеальной жизни. Это *apotheosis* [обожествление, апофеоз] человека, который возносится превыше ангелов в божественную жизнь. Мария в католицизме является тем же, чем Христос в арианстве, — первым из тварных существ, достигших божественности. Разве случайно классический текст арианской христологии — отрывок, в котором говорится о предвечной премудрости (Притчи 8:22-26), — стал одним из важнейших чтений на марианские праздники (8 декабря и 8 сентября) и привел к почитанию Марии как небесной Софии? Если арианство представляет собой христологию греческого язычества, разве случайно, что глубоко укоренившаяся в греческом единстве жажда божественного человека, а не Богочеловека, после падения арианской христологии породила мариологию с ее достигшим апофеоза человеком? Здесь кроется самая глубинная суть марианского культа. Здесь кроется тайна власти, которую почитание Марии имеет над людьми. Христиане, перешедшие из католической церкви в протестантизм, но не преодолевшие в себе язычество, все еще гнездящееся в католицизме, путем фундаментального обращения, никогда не перестанут ностальгировать по Марии. А наш современник, который уже перестал быть христианином, вполне способен оценить красоту культа Марии. Более того, в нем живет явное или скрытое стремление к этому культу, хотя христианскую веру он при этом отвергает наотрез. Хороший тому пример — финал "Фауста" Гёте.

— Sasse, *Letters to Lutheran Pastors* XVII, 1951